

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ КИТАЙ¹

В. Попов, профессор Российской экономической школы

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? На эту тему написано множество статей и книг, но единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более, что вопрос сильно политизирован. Китай был первой плановой экономикой, запустившей рыночные реформы (не считая советского НЭПа), – на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР. Результаты были поразительными – производство зерна благодаря переходу от коммун к семейному подряду и разрешению продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам возросло вдвое за неполные 10 лет, доля инвестиций в ВВП поднялась с менее 30 до более 40%, темпы роста – с 5 до 10%. Тогда считалось, что экономическая либерализация творит чудеса, чем ее больше, тем лучше. Однако опыт Восточной Европы, где падение производства составило 20-30% и продолжалось 2-3 года, и тем более опыт бывшего СССР, где производство падало почти 10 лет и упало, грубым счетом, вдвое, заставил многое переосмыслить.

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран – сводные индексы экономической свободы, ежегодно рассчитываемые Heritage Foundation для многих десятков стран мира, в Китае и России в 1995-2000гг. были примерно одинаковы; в 80-е же годы, в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 90-е. Результаты, тем не менее, оказались в корне противоположными – полу-либерализованная китайская экономика ускорялась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример – мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

¹ По мотивам книги автора «Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае», Москва, издательство «Дело», 2002г.

В Азии, кстати сказать, и шокотерапию проходили раньше европейцев. Не слишком известный среди неспециалистов факт: Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами «горбачевского» толка (1986-89гг.) в марте 1989г., на 9 месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, единовременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама – до 7% в год в 90-е годы).

Получается, примерно, следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике – Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации – это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, заиклившись на споре «шокотерапия или градуализм».

Исходные условия и сила институтов

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой – от этого зависит, насколько сложно ее реформировать и с какими издержками это будет связано. Во-вторых – способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую «правильной» политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты,

сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И наконец, в третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост. В Китае было и то, и другое, и третье. В Центральной Европе исходные условия были плохими – экономика была сильно деформирована, но институты работали. Политика же благоприятствовала росту только отчасти – с макроэкономической стабилизацией все было в порядке, а вот промышленная политика в лучшем случае была нейтральной, а не экспортно-ориентированной, как в Китае. В России и СНГ все было не так – и с исходными условиями не повезло, и институты развалились, и политика – хуже некуда.

Бремя прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым как в Восточной Европе и СССР из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов. Китайские сельские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979г. «раздать на огороды» без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы, базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы), большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зижделся на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются узким местом китайской экономики.

Доводя мысль до крайности, можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», выгоды рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или шокотерапия. Падения производства не было бы и при шокотерапии (доказательство – Вьетнам). В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов. Чтобы преодолеть эти диспропорции и перевести ресурсы из одних отраслей в другие, нужно было затратить больше инвестиций в сравнении с ВВП, а коль скоро этих инвестиций не

было, падение производства оказалось неизбежным. Это, конечно, только в первом приближении.

Если в статистическом анализе учесть влияние исходных условий, то все равно получается, что фактический уровень производства в Китае и Вьетнаме превышает предсказываемый регрессионным уравнением, в Восточной Европе - тоже превышает, хоть и не так значительно, а в большинстве стран СНГ, наоборот, оказывается ниже предсказанных значений. Что общего между экономическими преобразованиями в Китае и Вьетнаме, с одной стороны, и в государствах Восточной Европы, с другой, кроме низкой инфляции в переходный период? Ответ довольно очевиден – сильные институты, прежде всего, государственные, в первом случае поддерживаемые авторитарными режимами, во втором – демократическими, но в обоих случаях, в отличие от стран СНГ, работающие, а не разваливающиеся. Исключения в регионе СНГ только подтверждают правило – это Беларусь, Туркменистан и Узбекистан, т.е. как раз те страны, которые известны не только своим отставанием в рыночных реформах, но и сравнительно сильной и работающей государственной властью.

Один из возможных обобщающих показателей эффективности государственных институтов – степень доверия фирм и граждан к власти в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, и т.п. – здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ отстают от всех регионов, в том числе и от Африки, причем разрыв между Восточной Европой и странами СНГ больше, чем между Восточной Европой и Южной и Юго-Восточной Азией или Латинской Америкой.

Другим обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства - доля государственных доходов в ВВП. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких

налогах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики в странах СНГ зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывшем СССР государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощностью, чем в странах Центральной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять большой объем коллективных благ (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5-2 раза.

Во Вьетнаме доля госдоходов в ВВП возросла в 1989-93гг. в 1,5 раза. В Китае за все два десятилетия реформ доля госдоходов в ВВП упала более чем в 2 раза, однако, во-первых, основное падение пришлось на вторую половину 80-х годов, тогда как в первой половине 80-х годов доходы государства были довольно стабильны, а с 1995г. они вновь стали расти; во-вторых, снижение госдоходов было контролируемым (т.е. проводилось по инициативе государства, а не вопреки его политике); в-третьих, расходы на традиционные государственные функции в % к ВВП остались на неизменном уровне.

В Китае сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное – от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. В Польше госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку, (т.е. когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, в России сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но

также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на «обычное правительство» в % к ВВП сейчас ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (1978г.), так как расходы на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» не намного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в реальном исчислении, то есть в постоянных ценах, разнится кардинально: если в Польше, где в 1996г. ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989-96гг. выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979-86гг. почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996г. едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза! Надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов, и не оставило средств на создание новых?

При сокращении реальных государственных расходов аж в 2 раза, как это произошло в большинстве государств бывшего СССР и Юго-Восточной Европы в короткий промежуток времени – всего за несколько лет, практически не остается шансов компенсировать падение объема финансирования повышением эффективности институтов, так что способность государства гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать криминализации катастрофически снижается.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е годы – в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси. Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в

2000г. ВВП чуть превысил предкризисный уровень 1989г., в Узбекистане он составил 95%, в Эстонии и Беларуси – около 80%, в Туркменистане – 75%, во всех остальных бывших советских республиках – менее 65% (в России – 60%). Здесь и альтернативное объяснение относительного эстонского успеха – эстонская экономика показывает результаты не хуже белорусской не столько благодаря высоким темпам либерализации, сколько из-за способности сохранить работающие институты (в отличие от других республик в Эстонии доля госрасходов в ВВП в переходный период не упала, а возросла).

Или другой показатель силы институтов – преступность, которая как раз и показывает в какой степени государство может обеспечить выполнение своих собственных законов и предписаний. Преступность в Китае за период реформ выросла, что правда, то правда, об этом говорят постоянно и рассказывают страшные истории. Более или менее сопоставимые с другими странами данные есть по умышленным убийствам – статистика других преступлений в разных странах сильно отличается и порой не слишком надежна («нет тела – нет дела»). Умышленные же убийства регистрируются чаще всего дважды – первый раз в статистике преступлений, второй – в статистике смертности (насильственная смерть, исключая самоубийства и несчастные случаи). Вторым показателем несколько шире, в него включаются смерти, освященные законом – казни, убийства преступников при задержании, потери среди мирного населения при «антитеррористических операциях». У нас, скажем, число преступных убийств в расчете на 100 000 человек населения возросло с 5 в 1986г. до 20 во второй половине 90-х годов, а смертность от всех убийств выросла с 7 в 1986 г. в разгар антиалкогольной кампании (в 1980г. было 13) до 30 с небольшим во второй половине 90-х годов (в 2003г. – 24 и 30 соответственно).

Во всех промышленно развитых странах, кроме США, и в странах Центральной Европы число законных и незаконных убийств в 90-е годы составляло от 1 до 4 на 100 000 человек населения (в Японии, Исландии и на Мальте – даже меньше 1). В США в минувшие десятилетия смертность от умышленных убийств, хоть и

снизилась, все равно превышает европейский и японский уровень в несколько раз – порядка 5-7 убийств на 100 000 жителей. И по числу сидящих за решеткой в процентах ко всему населению США, кстати, опережают чуть ли не всю планету (почти 1% взрослого населения), так что стоимость поддержания закона и порядка в США крайне высока. Из 8,6 млн. человек, сидевших за решеткой во всем мире 1999г., на долю США пришлось 1,9 млн. человек, на Россию – 1,1 млн. человек, на Китай – 1,4 млн. человек. По числу заключенных в расчете на 1000 жителей Китай (1,1 человек) смотрится как царство свободы в сравнении с такими «чемпионами лагерей» как Америка (6,8 человек) и Россия (7,3 человека). Хотя Китай несколько превосходит по относительному числу узников большинство западноевропейских стран (0,4-1,3 человека) и Японию (0,4 человека), он все-таки отстает от Тайваня, Гонконга и Макао (1,5-1,7 человек на 1000 жителей).

В Китае число всех насильственных убийств выросло с 1,4 в 1987г. до 2,1 в 1994 – рост огромный, на 50% менее чем за 10 лет, но ведь 2 человека в расчете на 100 000 – это же европейский, а не американский уровень, это меньше, чем в Австралии и Новой Зеландии, в Канаде и Бельгии, в Италии и Португалии. В Китае вероятность быть убитым в 3 раза ниже, чем в Америке и в 15 раз ниже чем в России. Это, если уж зашла речь, к вопросу о правах личности при демократии и авторитарном режиме, и о том, кто кого должен учить соблюдению прав человека. Из 28 столиц развивающихся стран, от Асунсьона до Улан-Батора, в которых граждан спрашивали о том, стали ли они жертвой преступлений вообще и насильственных преступлений в частности, Пекин оказался одним из самых безопасных городов. Лучше Пекина была только Манила, а рядом с Пекином (ненамного хуже) – Будапешт, Джакарта, Минск, Скопье, Загреб. Вероятность стать жертвой нападения в Пекине была в 1995г. в 5-8 раз ниже, чем в Москве, Рио де Жанейро, Йоганесбурге. В Китае ночью по городу по слабо освещенным улицам ходят спокойно и мужчины, и женщины, и к незнакомцам в темных закоулках обращаются безбоязненно.

Еще до передачи Аомыня (Макао), бывшей португальской колонии, Китаю уровень преступности, в том числе и убийств, там пошел на убыль, так как оттуда уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохранными органами КНР самим преступным миром, – при всех коррупционных скандалах в самом Китае Компартия все еще сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

Да, в Китае порядок основывается все еще в значительной степени не на законе, а на общинных традициях: ответственность индивидуума перед общиной (семьей, коммунной, деревней, предприятием) значила и значит здесь, как и в других азиатских странах, порой больше, чем ответственность перед законом. Даже и в Японии до сих пор адвокатов и юристов в расчете на душу населения на порядок меньше, чем в США, не говоря уже о Китае. Если вы попали в мелкое ДТП на глазах у полицейского, он даже не подойдет к вам, а будет ждать, пока вы полюбовно договоритесь с потерпевшим/виноватым. Обычно договариваются, к помощи даже полицейского, а тем более суда, прибегают редко: обмениваются своими «дэнва банго» – телефонными номерами – и разъезжаются в разные стороны. Не дай бог на предприятии, где вы работаете, или в районе, где вы живете, станет известно, что вы повредили чей-то автомобиль и не заплатили – потеряете лицо, стыдно будет перед людьми (общиной).

Община ответственна и за предоставление общественных благ – деревенский староста в Китае и сейчас может назначить людей, чтобы доставить захворавшего в больницу, никто и не подумает отказываться, хотя закон не требует исполнения подобных повинностей. Госпредприятия, а не государство, отвечают за предоставление жилья, пенсий, медицинских и социальных услуг для своих рабочих, и в гораздо большей степени, чем в бывшем СССР: в научно-исследовательских институтах китайской Академии наук до сих пор к каждому

празднику выдают всем сотрудникам вместе с денежными премиями то несколько литров арахисового масла, то несколько килограмм риса, то коробку с мылом и шампунями, то портфель для ношения книжек. Этими шампунями и маслами, как впрочем и всеми другими товарами, вот уже как 20 лет завалены все магазинные прилавки, да и стоят они копейки, каждый может сам купить, но, согласитесь, когда институт дает вам не зарплату и премию, а натуральный продукт, тем более рис, основу жизни, между вами и работодателем складываются неформальные отношения. Институт заботится о вас, как семья, кормит, моет, одевает, а вы в свою очередь, даже против собственной воли, начинаете испытывать чувство признательности, причем даже не к руководству института (ведь рис-то дают всем в одинаковых количествах), а именно к институту как организации (общине). Если институт попросит вас что-то сделать, отказаться будет трудно. Рис-то брали? Брали. И сказать нечего.

Сегодня, однако, эти общинные связи и основанные на них неписанные моральные нормы медленно, но неуклонно разрушаются экономическим прогрессом, ведущим к урбанизации, повышению мобильности населения (миграции) и рабочей силы (более частая смена места работы и профессии). В Европе и США на место ответственности индивидуума перед общиной пришла ответственность перед богом и законом, в России (Африке, Латинской Америке) общинная ответственность уже в прошлом, а ответственность перед законом только складывается. В Восточной Азии общинная ответственность просуществовала дольше, чем где-либо в мире, но тоже постепенно исчезает. Что идет ей на смену?

В бога китайцы не очень верят, а если и верят, то не считают этого бога ответственным за соблюдение заповедей. Государство же поддерживает правопорядок часто безо всяких законов и судов, на основе вековых представлений о справедливости. Как и у нас в советские времена, в Китае, если уволили с работы или отменили автобусный маршрут, идут жаловаться в партком (райком, горком, обком, ЦК), а не в суд. Отдел писем ЦК, как и у нас при советской власти, письма внимательно читает, а народ туда письма пишет. Партия, конечно же, часть

государственной машины, и немедленное отделение партии от государства создаст вакуум, и подорвет правопорядок, как это было у нас в 1991г.

Экономическая политика

В итоге, таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий – от уровня развития («преимущества отсталости») и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты во время либерализации. При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют особой роли.

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление отложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой дисциплины и т. п.) – падение производства у нас началось еще при Горбачеве, в 1990г. Подобным же образом ельцинские реформы привели к дальнейшему падению производства не потому, что были «слишком» радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т. д.). Урок, кажется достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация - и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная, – дает экономические дивиденды в виде роста производства.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» пост-социалистической

трансформации – сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум, на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

И, наконец, последний фактор – макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние годы инфляции в Китае вообще нет, в 1998-2000гг. цены даже снижались. Однако, кроме того, Китай выгодно отличался от европейских переходных экономик тем, что постоянно стимулировал экспорт и смог таким образом оседлать конек экспортно-ориентированного роста.

Есть два варианта промышленной политики – импортзамещение и поощрение экспорта. Грубо говоря, в рамках первого варианта приоритет отдается слабым и неконкурентоспособным отраслям, тогда как в рамках второго варианта стимулируются, напротив, сильные и конкурентоспособные отрасли. При импортзамещении госсубсидии идут в отрасли, которые не только не экспортируют свою продукцию, но и не могут конкурировать с импортом на внутреннем рынке. При экспортной ориентации, напротив, поддержка оказывается отраслям и предприятиям, которые уже прорвались на внешний рынок или у которых есть хорошие шансы увеличить экспорт.

В экономической теории считается, что специализация страны на мировом рынке (какие именно товары страна экспортирует) определяется ее сравнительными преимуществами: у кого-то есть природные ресурсы (значит можно вывозить сырье, производство которого дешево обходится), кто-то обладает большими резервами недорогой рабочей силы (тогда можно специализироваться на трудоемкой продукции), другие просто научились очень хорошо и дешево, лучше чем кто-либо в мире, производить, скажем, бытовую электронику. Однако надо

отдавать себе отчет в том, что эти сравнительные преимущества не даны странам раз и навсегда от бога (за исключением невозобновляемых ресурсов, доля которых в международной торговле уже невелика), а создаются в ходе развития, в том числе и в результате целенаправленной правительственной политики. Если, скажем, страна не производит электронику, а импортирует ее из-за границы, и даже не пытается ее производить, то, видимо, никогда и не будет: ведь при освоении производства любого товара издержки всегда высоки, так что с точки зрения сиюминутной перспективы всегда лучше производить то, что уже умеешь. Тогда, однако, придется законсервировать структуру экспорта и отказаться от участия в мировых рынках многих «чужих» и постоянно возникающих новых продуктов. Большинство стран, если не все, признавать поражение без борьбы не желают и пытаются диверсифицировать экспорт. Какие отрасли поддерживать в первую очередь? Вот здесь-то и возникают варианты.

Можно поддерживать отрасли уже экспортирующие или с перспективой на экспорт, то есть самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка прекращается). А можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (импортзамещение). И в том и в другом случае можно использовать протекционистскую защиту внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита – без стимулирования экспорта – ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта ведет не только к сохранению неэффективных производств, но и к их превращению в эффективные. При экспортной ориентации государство подталкивает развитие в том направлении, в котором рынок (мировой) уже движется, при импортзамещении, наоборот, идет против рынка, гладит против шерсти. В своем крайнем варианте импортзамещение – это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

СССР периода индустриализации и дальше, коммунистический Китай до реформ, Латинская Америка и Индия до 90-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации – все эти государства и регионы практиковали именно импортзамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же – созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но которые рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

Другая стратегия – создание государством стимулов к перемещению ресурсов в конкурентоспособные и уже преуспевающие в экспорте отрасли, подталкивающая структурную перестройку в том направлении, в котором она уже идет, неумолимо увлекаемая силами мировой рыночной конкуренции. Она проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже – в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978г. до более 20% сегодня. Как уже говорилось, все эти страны в разное время проводили схожую политику – всемерно поощряли национальные фирмы экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали еще слабенькие позиции.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса

позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления.

Такой была стратегия Японии, Кореи, Тайваня и Сингапура несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; такова в последние десятилетия стратегия государств Юго-Восточной Азии, которые поддерживают валютный курс на уровне 20-40% ППС (Китай - ниже всех, всего 20% ППС). В 1999г. на Восточную Азию пришлось почти 60% всех золото-валютных резервов мира. Только на Китай (включая Гонконг и Тайвань) приходится почти четверть всех мировых резервов. Отношение валютных резервов к ВВП почти во всех восточноазиатских странах превышает 20% (кроме Японии – 7%) против 5% в среднем в мире и 1,5% в США.

В Восточной Европе промышленная стратегия была более или менее нейтральной, то есть государство не создавало особых привилегий ни сильным, ни слабым отраслям, а вот в СНГ, и особенно в России, эта стратегия была и остается ориентированной на импортзамещение. До макроэкономической стабилизации 1995-98гг. мы сдерживали рост внутренних цен на главные экспортные товары – нефть, газ, металлы – через экспортные пошлины и прямые ограничения; после стабилизации и до валютного кризиса 1998г. мы поддерживали завышенный курс рубля, что подрывало позиции экспортеров; после кризиса мы опять сдерживаем рост внутренних цен на нефть и газ, так что они у нас в несколько раз ниже мировых. Поэтому производство и инвестиции в 90-е годы у нас падали не только в слабых, неконкурентоспособных отраслях (сельское хозяйство, большинство секторов машиностроения, легкая промышленность), но и в самом что ни на есть конкурентоспособном сырьевом секторе (ТЭК, черная и цветная металлургия). А в Китае производство ни в каких отраслях не падало, просто в одних росло на 15% в год, а в других на 5%.

Историческая ретроспектива и перспектива

Почему в Китае не было падения производства при переходе к рынку, как это случилось у нас, – вопрос важный, но довольно конъюнктурный, сиюминутный, и интересный прежде всего для нас. В более широкой перспективе и для других стран более интересен другой вопрос – как Китаю удастся в последние годы так быстро развиваться и догонять Запад.

Китаю (а раньше - другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7-10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине 20 века стала по сути единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 50-е – 70-е годы, казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортзамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке – после долгового кризиса начала 80-х годов, в СССР и Восточной Европе – в 90-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 30-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые – Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность – ниже, продолжительность жизни – выше.

«Чжун го» – срединное государство, так назывался Китай раньше, так он называется сейчас. Многие народы думали, что они находятся в центре мира, но немногие пронесли это представление через всю свою историю. Китай же, как минимум, три тысячелетия был самым могущественным государством в Восточной Азии и, следовательно, до XVI века, до европейского Возрождения и великих географических открытий, бесспорным центром мира в его тогдашних границах. В своих вассальных государствах – Корее, странах Юго-Восточной Азии – Китай раздавал звания и титулы, подтверждал полномочия правителей, посылал войска для поддержки одних и наказания других, разрешал использование китайского календаря, и т. д.

Сознание своей центральности, безграничности и вечности отличало всех китайских правителей. Как говорилось в одном из танских императорских манифестов, «времена года следуют друг за другом в гармоничной последовательности, простой народ – изобилен и продолжает множиться, ход колесниц и способ письма унифицированы на всей территории – в ширине колеи и начертании знаков уже достигнуто великое единство». Согласитесь, чувствуется эпохальность и перспектива в таком подведении итогов правления, это не похоже на теперешние «за отчетный период удалось добиться существенного улучшения платежного баланса».

До XVI века по уровню ВВП на душу населения и технологии Китай либо превосходил все другие цивилизации, либо не отставал от них. Памятники материальной культуры эпохи династии Цинь III века до н. э. – скульптуры, оружие, гончарное искусство, обработка металлов, стекла и камня, архитектура и водопровод – не уступают греческим и римским. Компас, бумага, порох, книгопечатание, фарфор, шелк – все это было изобретено в Китае задолго до того, как было «снова изобретено» в Европе или импортировано из Китая. Китайские астрономические хроники считаются лучшими в мире. За 3000 лет, со времени династии Инь, правившей еще до XI века до н.э., и до 1911г., китайские звездочеты зафиксировали и описали 360 комет; они первыми описали комету Галлея в 613г.

до н.э. и рождение сверхновой звезды в XIV веке до н.э. Пекинская обсерватория XV века – одна из древнейших в мире – около Цзяньгомэнь («Ворота строительства государства»), где главная улица Чанъаньцзе пересекает второе кольцо на востоке, сейчас превращена в музей, где выставлены огромные астролябии и секстанты, украшенные головами драконов.

Как говорят историки, китайская цивилизация уникальна в нескольких отношениях. Во-первых, конечно, иероглифы, которые выросли из примитивных картинок. Удивительно, естественно, не то, что иероглифы произошли из стилизованных изображений – все древние письмена изначально были пиктограммами – а то, что иероглифы сохранились до наших дней. Ведь другие народы, кто раньше, кто позже, перешли на алфавит, а Китае ничего подобного не произошло. В Японии в VIII-IX веках изобрели в дополнение к иероглифам две слоговых азбуки – хирагану и катакану: первая используется для записи предлогов, суффиксов и коротких слов, вторая – для записи иностранных слов, но корневые части большинства слов все равно пишутся иероглифами. На хирагане и катакане можно написать все что угодно – и это будет абсолютно понятно; собственно говоря, книжки для детей и учебники японского (первые уроки) пишутся на хирагане. Однако потом дети все равно учат иероглифы – примерно так же, как в 3-5 лет детям дают «хаси» – палочки для еды, хотя до этого разрешают есть «по-простому», вилок. Во времена послевоенной оккупации Японии генерал Макартур, склонный к простым решениям, пытался ввести в Японии «ромадзи» – латинский алфавит, но реформа не прижилась. В Корею на свой, корейский, алфавит – хангыль, который языковеды называют наиболее совершенным и научно-обоснованным в мире, перешли в XV веке, хотя образованные люди всегда знали китайские иероглифы – теперь их опять учат в школе, хотя одно время и не учили. В коммунистическом Китае были планы перейти на латиницу, чтобы облегчить достижение грамотности, но они так и не осуществились.

Во-вторых, китайская цивилизация отличается от всех других огромным массивом древних рукописей – письменных документов-памятников, фиксирующих историю

страны на протяжении пяти тысячелетий. Археологически подтверждено существование династии Шань-Инь (XVI – XI века до н.э.), первые образцы китайской письменности восходят к XVI веку до н.э. (гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах), однако в более поздних источниках события китайской истории записаны, начиная с тысячелетнего периода правления мудрых отцов-прародителей в III тысячелетии до н.э. В беспрецедентно многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI-V века до н.э.), детальность описания событий и фактов тоже беспрецедентна. Как считают историки, по охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

И, наконец, в-третьих, ни в одной культуре мира почитание предков не приобрело такого влияния на духовную жизнь как в Китае. Началось все это еще до Конфуция – в эпоху Шан-Инь (XVI-XI века до н.э.) правители почитали прародителя Шанди («Верховного божества» и первопредка иньцев), а при последовавшей затем эпохе Чжоу на смену Шанди пришел культ Неба, чжоуские государи носили священный титул Сына Неба. Собственно со всеми ранними божествами китайские правители состояли в близких родственных отношениях. Ну а после Конфуция сыновняя почтительность и уважение родителей были возведены в разряд главных добродетелей, на которых покоится правильное государственное устройство.

Все три уникальные характеристики китайской цивилизации, как легко заметить, связаны одной общей идеей – преемственности. Почтение к предкам определило непрерывность традиции и накопление письменного наследия, а на алфавит в Китае не перешли, потому что огромное письменное наследие не пожелали обесценивать. При всех катаклизмах пятитысячелетней китайской истории революций в культуре даже во времена «культурной революции» по сути не было, были только реформы – изменение одного при сохранении другого. Так что Британию называют страной традиций по чистому недоразумению; Китаю такое название подходит гораздо больше. По словам китаевода Михаила Ермакова,

«уникальность китайской цивилизации – древнейшей среди современных – заключена в непрерывавшейся линии преемственности, связавшей глубокую древность с настоящей реальностью, сохранившей черты прошлых веков для будущих поколений, создавшей особый склад китайского ума, обращенного в будущее через призму прошлого».

В средние века Китай фактически оказался одной из немногих старейших цивилизаций, не утратившей преемственности со своими древними корнями. Месопотамия и Египет, Греция и Рим, арабские халифаты и монгольские ханства, рушились под натиском завоевателей, а в Китае одна династия сменяла другую. Только дважды Китай был завоеван – монголами в XII веке н.э., основавшими затем свою династию Юань (1279-1368гг.н.э.) и маньчжурами в XVII веке, основавшими последнюю китайскую династию Цин (1644-1911гг.), но завоеватели неизменно окитаивались и поглощались огромной цивилизацией.

Историки объясняют такую устойчивость китайской государственности тем, что империя никогда не перенапрягалась и не захватывала больше территорий, чем могла переварить – то ли из-за государственной мудрости, то ли просто в силу исторической случайности. В начале XV века, за 80 лет до великих географических открытий, великий китайский путешественник Чжэн Хэ исследовал всю северную часть Индийского океана – был в Малайзии и Индонезии, на Цейлоне и в Индии, на Аравийском полуострове и в восточной Африке и, возможно, даже на Мадагаскаре. Крупнейший из его кораблей имел более 100 м в длину и водоизмещение 1500 т, тогда как португальские суда той эпохи обычно не превышали 30 м в длину и 300 т водоизмещения. В парусной технике того времени Китай тоже был впереди Европы, хотя в навигации (применение астрономии и астролябий) несколько отставал. Так или иначе, Чжэн Хэ совершил 13 экспедиций и обложил данью многие прибрежные государства Индийского океана и Красного моря. Все шло к тому, что Китай должен был открыть Европу и Америку – в 2002г. даже появились сообщения об обнаружении остатков кораблей Чжэн Хэ на Карибских островах; есть также и венецианские карты, датируемые началом XV века, на которых

изображены и мыс Доброй Надежды, и некоторые острова Карибского моря; эти карты, как предполагается, попали в Европу из Китая через находившегося на кораблях Чжэн Хэ итальянца и были впоследствии использованы Колумбом и Магелланом. Однако судьба распорядилась иначе – правители минской династии запретили морские путешествия на многомачтовых кораблях менее чем через 100 лет после великих открытий Чжэн Хэ.

Историки до сих пор не могут понять, почему империя решила самоограничиться. Но факт остается фактом – колониями Китая были только Синьцзян и Тибет, а Корея и государства ЮВА были хотя и вассальными, но формально самостоятельными государствами, не говоря уже об Индии, Аравии и Африке, с которыми после Чжэн Хэ решено было вообще не контактировать. Самоизоляция исключила опасность чрезмерной экспансии, от которой погибли другие империи, но вместе с тем и положила начало технологическому отставанию Китая от Европы – с XVI века это отставание стало нарастать.

Еще и в 1820г. Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в 2 раза по уровню ВВП на душу от Запада) и только позже уступил первое место Британии. В 1830г. на страны, которые потом стали называться «третьим миром», приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай – порядка 30%.

К европейцам китайцы поначалу относились как к варварам, европейская техника не производила особого впечатления на китайских правителей, за исключением, почему-то, часов, которые императоры скупали и коллекционировали. В 1792г., после американской Войны за независимость и Великой французской революции, когда Европа уже вступила в эпоху просвещения, английский король Георг III отправил китайскому императору послание с предложением развивать торговые связи и торговую миссию с образцами английских товаров. Император Цянь-лун

ответил буквально следующее: «Я прочел Ваше послание; искренность, с которым оно написано, обнаруживает уважительное смирение с Вашей стороны, достойное высокой похвалы... Чтобы показать свою преданность, Вы также послали мне образцы изделий из Вашей страны... Властвуя над огромным миром, я не имею другой цели, кроме как поддерживать совершенное управление и гарантировать исполнение государством его обязанностей. Странные и изобретательно сделанные предметы не представляют для меня интереса. Я не могу найти применения изделиям из Вашей страны. Вам надлежит, о король, уважать мои чувства и выказывать мне еще большую преданность и лояльность в будущем, так чтобы вечной покорностью нашему трону Вы смогли обеспечить мир и процветание Вашей стране. Трепетно подчиняйтесь и не проявляйте небрежения».

Богатеющая Европа, конечно, и не думала трепетно подчиняться. Накапливавшемуся капиталу нужны были рынки и для их завоевания он готов был использовать не только низкие цены товаров, но и настоящую тяжелую артиллерию. Отставание Китая, началось в период новой истории, с XVI века, когда на Западе стал развиваться капитализм; в XIX же веке это отставание резко ускорилось и привело к изменению баланса сил – к разделению мира на индустриальный центр и зависимую колониальную периферию. К 1913г. на долю промышленных стран Запада приходилось уже почти 80% мирового промышленного производства, а на Китай – менее 10%. В XIX веке отставание Китая привело к невиданному национальному унижению – порабощению западными державами и превращению в полуколонию. Проиграв «опиумные» войны в 40-50-х годах XIX столетия, Китай вынужден был подписать кабальные договоры, открывшие китайские порты для иностранной торговли, предоставившие иностранцам экс-территориальные права и зафиксировавшие таможенные пошлины на 5-процентном уровне.

Вот уж когда наступила полная глобализация и свобода. Даже опиум, который англичане производили в Индии, в Китае стал продавался без ограничений по требованию англичан, не имевших других конкурентоспособных товаров для

оплаты чая, импортируемого из Китая. С тех пор 100 лет Китай вкушал плоды политики экономической либерализации и открытости – китайские таможенные тарифы были одними из самых низких в мире, 4% в 1913г. и 8,5% в 1925г. против порядка 30% в США в эти же годы. Интервенции иностранных войск следовали одна за другой – в 1860г. во время очередного вторжения английских и французских войск императорский летний дворец на северной окраине Пекина, построенный в западном стиле, был разграблен, сожжен и превращен в руины, чтобы скрыть следы грабежа. Эти руины и сегодня там, в парке Юаньмин юань, рядом с Пекинским университетом – напоминание о цивилизаторской миссии европейцев. Командующий англо-французскими войсками лорд Элгин, отдавший приказ сжечь дворец, палач китайского народа и по сегодняшним меркам – военный преступник, ранее был английским губернатором Британской Северной Америки (Канады) и прослыл либералом, симпатизировавшим идее самоуправления. Его имя и сегодня носит одна из центральных улиц канадской столицы Оттавы...

В 1900г. 60-тысячная армия 8 империалистических держав (Германии, России, Англии, Франции, США, Японии, Италии и Австро-Венгрии) вторглась в Китай и навязала очередной кабальный договор, наложивший на Китай контрибуцию и установивший международный контроль над важнейшими доходами империи для обеспечения ее выплаты, разрешавший иностранцам держать в Китае войска для защиты интересов иностранных подданных и обязывавший китайское правительство наказывать смертной казнью за всякое антииностранное выступление.

«Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?» – писал современник (Ленин) в 1900г. об очередном вторжении в Китай.

Ни свержение императора в 1911г., ни буржуазные рыночные реформы Гоминьдана не принесли с собой экономического процветания. Результаты либерализации и рынка были катастрофическими: китайский ВВП на душу населения, составлявший в 1400г. и в 1820г. примерно 500 долларов в ценах 1985г., с тех пор таким и остался – 539 долларов в 1900г., 498 в 1913г. и 454 доллара в 1950г. Между тем, Запад шел вперед семимильными шагами, так что разрыв в уровнях экономического развития углубился так, что превратился в пропасть. Если в начале XIX века Китай отставал от США по уровню душевого ВВП в 2 раза, то к 1950г. – в 20 раз. Это был предел падения и унижения «срединной империи» – уровень жизни в 5% от американского и продолжительность жизни 35 лет, чуть ли не вдвое ниже, чем на Западе, полуколониальный статус и полная неспособность противостоять непрекращающимся иностранным агрессиям.

Победа Компартии в Гражданской войне и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949г. были не столько социалистической революцией, сколько национальным освобождением. Заключительные слова Мао, провозгласившего образование КНР на многотысячном митинге на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949г., были отнюдь не марксистско-ленинскими, а, скорее, националистическими: «Китайский народ в конце концов поднялся с колен!» В последующие три десятилетия экономического либерализма и открытости в Китае стало меньше, если не сказать не стало совсем, однако темпы развития ускорились – Китай впервые за почти 500 лет перестал отставать от западных стран и даже немного сократил разрыв. Среднегодовые темпы роста, составлявшие 0,8% в 1990-13гг. и 0,1% в 1913-50гг., в 1950-73гг. выросли до 5,8%.

В дореформенный период, до 1978г., у нас китайские достижения сильно преуменьшались, хотя и в период «большого скачка» конца 50-х, и в период «культурной революции» второй половины 60-х китайская экономика все время росла, росла не переставая, производство все время увеличивалось, а не сокращалось, так что в среднем за три десятилетия дореформенного периода (1949-

78гг.) вышло примерно 5% роста в год. Немногие развивающиеся страны могут похвастаться таким быстрым ростом в течение целых 30 лет. С 1978г. среднегодовые темпы роста повысились до 10%, в 1998-2000гг., после валютных кризисов в Восточной Азии 1997г., снизились до 7-8%, но теперь опять поднялись до 10%.

Вспомните старые анекдоты, как китайцы выкапывают картошку через две недели после посадки, потому что «очень кусать хотца»; или как Мао планировал нападение на СССР: 100 миллионов наступают на правом фланге, 100 – на левом и 100 – в центре, а генштаб спорит, какому флангу придать 3 танка. Эти анекдоты рассказывали после советско-китайских столкновений на Даманском в 1969г. Между тем, в 1964г., через 15 лет после СССР и 19 лет после США, Китай взорвал свою первую атомную бомбу; в 1970г., всего на 13 лет позже СССР, запустил первый спутник, а недавно, в 2003г., – первого космонавта. А уж по продолжительности жизни Китай почти что догнал СССР к началу 80-х годов, а затем, когда у нас продолжительность жизни резко упала в 90-е годы, и перегнал – сейчас китайцы живут в среднем 70 лет, а мы – 65.

Вопросов, таким образом, как минимум, два: почему экономическая либерализация в 1840–1940-х гг. не сработала и почему она сработала в 1980-90-х и работает сейчас? Или, иначе: почему после 1949г. ускорения экономического развития удалось добиться через свертывание рынка и отказ от открытости, тогда как новое ускорение экономического роста после 1978г. стало прямым результатом перехода к рынку и либерализации внешнеэкономических связей? Два вопроса с одним и тем же ответом – все дело в силе государственных институтов, в способности правительства гарантировать права хозяйственных субъектов, собирать налоги, предоставлять общественные блага и обеспечивать закон и порядок, добиваться исполнения собственных указов и предписаний. Таких сильных государственных институтов не было в Китае, как минимум, с середины XIX по середину XX века, ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную

территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны – такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, – центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело – у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978г. с доходами 20% ВВП.

В общем, рынок и экономическая либерализация – вещь хорошая, что и говорить; при прочих равных условиях рыночная экономика эффективнее плановой, но только при прочих равных, *ceteris paribus*. А эти прочие условия, в частности институциональный потенциал государственной власти, как раз и не были одинаковыми. Экономическая либерализация без сильных институтов, как и в СНГ в 90-е годы XX века, в Китае после «опиумных войн» не привела к улучшению экономической динамики, даже несмотря на прогресс технологии. Напротив, после 1978г. та же экономическая либерализация, но только при работающих институтах, доставшихся в наследство от Мао, создала экономическое чудо.

Мораль

В саду камней Рёандзи в древней японской столице Киото один из 13 камней всегда остается скрытым, заслоненным другими, с какого бы места вы ни смотрели. Так Владимир Цветов писал когда-то о Японии («Тринадцатый камень сада Рёандзи») – что-то всегда ускользает от внимания наблюдателя, можно увидеть

многое, почти все, но никогда не все полностью. Наверное, так же и с Китаем, может быть – и с любой другой страной.

Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-то такое, что неведомо европейской цивилизации. Статистический анализ быстрого экономического роста позволяет выделить многие факторы, объясняющие, почему ни Латинская Америка, ни Ближний Восток, ни Южная Азия, ни Африка не смогли в последние годы поспеть за восточноазиатскими «драконами» и «тиграми». Большие вложения в человеческий капитал, более сильные институты, более осторожная макроэкономическая политика (низкая инфляция), большая открытость экономики, и т. д. Однако, во-первых, всегда остается необъясненный остаток: даже если учесть все факторы, Восточная Азия в последние десятилетия все равно росла быстрее – то ли потому, что там много китайцев, то ли из-за того, что она между Америкой и Западной Азией, в общем мы толком не знаем, почему. А, во-вторых, объяснить, как это Восточной Азии удалось поддерживать и сильные институты, и правильную макроэкономическую и промышленную политику, тогда как другим развивающимся странам это не слишком удается, тоже совсем не просто.

В социальной сфере, в том числе и в экономике, жизнеспособными и перспективными часто становятся такие формы, которые раньше, казалось, выброшены на обочину истории. В том, что раньше представлялось смешным, устаревшим, отжившим, патриархальным и даже варварским, неожиданно открывается «второе дыхание». Сколько книг было написано про «японское чудо» в 70-х! Пожизненный найм, круговая порука, тесные отношения банков с промышленностью и госчиновников с бизнесом – во всем этом видели тогда секрет японского процветания. А сегодня не меньшее количество исследований усматривают в тех же самых патерналистских неформальных отношениях причины стагнации в Японии и причины валютного кризиса 1997г. в других странах Восточной Азии.

Когда части 8-ой Народно-Революционной Армии, оттесняя в 1949г. гоминьдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу, им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминьдановское правительство в Нанкине. Кто знает, если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя даже Англию по уровню жизни. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонконг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы «большого скачка» туда шли эшелоны с продовольствием из Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли «контрольного участка», на котором результаты оказались лучшими, чем на «опытном», в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978г. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать, «чувствовать камни под ногами при переходе реки». Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромнен в окончательном подведении итогов. Говорят, когда Мао спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: «пока что слишком рано судить...»

Сказать, что у китайцев терпимость к другим формам общественной жизни – в крови и что они всегда оставляют «контрольный участок» было бы преувеличением. В китайской пятитысячелетней истории было все – и императоры,

сжигавшие книги и казнившие ученых, чтобы начать историю с чистого листа, и борьба с воробьями, приведшая к повсеместному распространению гусениц и насекомых... Но, может быть, именно так и вырабатывается иммунитет к радикальным преобразованиям, к разрушению старого мира «до основания, а затем». Народы, как и люди, мудреют с опытом, а опыт приходит с возрастом. Китайская цивилизация, как уже говорилось, единственная из древнейших, которая существует и по сей день, сохраняя никогда не прерывавшуюся преемственность; остальные сгинули под нашествиями завоевателей, в лучшем случае передав им свои культурные достижения, а в худшем – вообще без следа, так что изобретенные ими «велосипеды» пришлось открывать заново.

Защитники окружающей среды считают несчастьем исчезновение редкого вида растений или животных – есть понимание того, что у исчезнувшей навсегда букашки могли быть такие уникальные гены, которые сегодня никому даром не нужны, а в будущем могут спасти человечество. Лингвисты и культурологи бьют тревогу, когда исчезает целый народ со своим языком и культурой, как, скажем, айны на Хоккайдо, в Японии, язык которых – один из трех-четырех в мире, не укладывающийся ни в какие языковые группы и семьи. У экономистов и политологов такого почтения к общественным формам нет, хотя их знания о своем предмете исчерпывающими не назовешь даже с натяжкой.

Мы не знаем пока что наверняка, почему Восточная Азия росла быстрее всех в послевоенный период; не знаем, почему китайские коллективно-муниципальные предприятия (TVE – township and village enterprises) с самыми неясными правами собственности в мире увеличивали объем производства в 80-90-е годы на 20% в год; не знаем, что лучше – англо-американская система контроля и финансирования корпораций (основанная на рынке акций) или же германо-японская (основанная на банках и других финансовых институтах); не знаем, наверняка, какие именно отрасли государство должно поддерживать и должно ли вообще; в общем – много чего не знаем. А если не знаем, то можно и нужно спорить до хрипоты, но не стоит спешить с оргвыводами, не надо с порога

отвергать китайский опыт, который был у нас когда-то так популярен. Нетерпение ума – плохой советчик, чем больше узнаешь о Китае, тем больше хочется узнать.

Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли. Может быть, именно беспрецедентная преемственность китайской традиции, сохранившая «неэффективные» иероглифы, которые в свою очередь позволили уберечь ассоциативность мышления и культуры, способствовала формированию знаменитой китайской приспособляемости, которая так пригодилась при ускорении экономического развития.